

УРОКИ ЭСТЕТИКИ

ОТ СЛОВА
«ЛЮБИТЬ»

...ЭТИМ летом я отдыхал в хорошем санатории под Москвой. И туда из соседнего и тоже очень хорошего санатория привезли, для того чтобы порадовать нас, самодельный ансамбль певцов и танцоров. Десятка полтора небрежно одетых в помятые сарафаны женщины, с неумело и грубо раскрашенными лицами, немилосердно тараща от напряжения глаза, оглушительно и нестройно голосили, прямо в микрофон нечто, что было, наверное, когда-нибудь хорошей песней. А потом на сцену выбежали дети и, умирая от страха, безуспешно пытались попасть в такт несложного танчика, который их заставили танцевать. Я уверен, что среди этих ребятишек был кто-то, в ком жила любовь к танцу и способность ее проявить, а многие из этих грубо раскрашенных и фальшиво поющих женщин могли оказаться даже красавицами, и, наверное, кто-то из них обладал и природной музыкальностью, и милым голосом, и все это могло бы стать очевидным, если бы их научили петь, танцевать, правильно дышать, жить на сцене в том единственно возможном для этого занятия артистическом, творческом самочувствии, вне которого пребывание в любом виде искусства на подмостках нелепо, стыдно и мучительно.

«БОЖЕ! Какая попытка быть актером! И стараешься, и пыжишься изо всех сил, и напрягаешься, узлом завязываешь себе кишки, до хрипоты сжимаешь горло, выпучиваешь глаза, наливаешься кровью до головокружения, стараешься до изнеможения выполнить эту каторжную работу, загоняешь чувство куда-то в живот и до такой степени устаешь, что оказываешься не в силах еще раз повторить сцену по требованию режиссера. Так было на простых репетициях. Что же будет на спектакле, с публикой, когда от волнения я перестану владеть собой? И действительно, на премьеру моя игра была «сплошной жилой», как выражаются актеры. Но... «спектакль имел успех».

Как вы, может быть, уже догадались, слова эти принадлежат К. С. Станиславскому и относятся к той поре, когда он начинал свою театральную жизнь в любительском кружке. И я убежден, что и те женщины, о которых шла речь выше, и множество любителей драматического театра, к которым они обращены непосредственно, могут подтвердить истинность каждого сказанного им слова, вплоть до самого тревожного: «спектакль имел успех».

Действительно, случается порой это почти непостижимое «чудо», когда декорации, музыка, сама пьеса, с трудом пробивающаяся сквозь актерское косноязычие, наконец, общая взволнованность (не по существу роли, а по существу самого факта твоего пребывания на сцене) создают какую-то нервную заразительность, подъем, и «спектакль имеет успех». И любители, быстро забыв о неестественности и даже мучительности своего недавнего самочувствия, как должное принимают поздравления и свой фактический провал начинают воспринимать как праздник и победу. Надо было обладать свертребовательностью Станиславского, чтобы не только после провалов, но и после своих бесспорных триумфов в «Обществе любителей литературы и искусства» с рентгеновской беспощадностью писать о том, в чем он был, по его мнению, беспомощен и плох. Но сила критического анализа, вечного недовольства собой, беспокойства дана далеко не каждому. Нужен учитель, чтобы эти ценнейшие качества в любителях воспитать.

МНЕ, честно говоря, не очень нравится, применительно к театру, это короткое, модное, расхожее словечко «хобби». Собираю наклейки от винных бутылок — хобби! Репетирую ногами Гамлета — тоже хобби. Что-то тут не так... Мне ближе старомодное слово — любитель. Любитель — от слова «любить»! И ни в коем случае — от слова «любитьелщина». Я ненавижу любительщину и думаю, что ничего, кроме вреда, она не может принести.

...Репетиция назначена ровно в семь часов, все собрались, а одного из «артистов» нет. Репетировать нельзя. Настроение у всех испорчено. Вместо собранности и радости — унылое ожидание. Через час «герой» является. «А в чем, собственно, дело? Я же не настоящий артист, денег за это не получаю. Устал, был занят и пришел ведь!» Вечер по существу потерян. Такой независимый супермен может не прийти и на спектакль. «А в чем дело? Подумаешь — Художественный театр!..» Любительщина!

...Иду в коллектив, в народный театр, в ансамбль — только для того, чтобы покрасоваться своими данциями: вот какой у меня голос, какой рост, личико какое... пусть мне за это поаплодируют. Я талантлив и прижому только для того, чтобы утвердить себя, а что будет вокруг, мне и дела нет. Любительщина!

Я пришел отдохнуть и развлекаться в свободное от работы время. А если для того, чтобы сыграть гоголевского Землянику, шекспировско-

го вельможу или, скажем, инженера Чешкова в пьесе Дворецкого, надо снова работать, да еще так, что не знаешь, где труднее — на заводе или здесь, это неправильно! Подумаешь, какие строгости: чуть-чуть трико вчера сморщилось на ноге, какой скандал мне устроили. Знал бы, вообще не приходил... Мы же любители, а не профессионалы...

Отвратительная любительщина! Прав автор такого монолога. Не нужно было ему приходить, если не сумел преодолеть барьер своей «несовместимости» с искусством. Потому что талант — это прежде всего призвание, то есть потребность работы, поиска, преодоления в области, которую любишь...

«СЛОЖНОЕ сделать простым, простое — привычным, привычное — приятным». Этот подсказ Станиславского — ключ к радости каждого репетиционного дня любителя театра. Радость в искусстве приносит сам процесс поиска. Я знаю очень много актеров, которые куда больше любят репетировать, то есть пробовать, искать, находить, чем играть спектакли.

Репетиции — это всегда пора познания. Ты познаешь автора, его идеи, его мир. Если это классик, отправляешься на каком-то этапе работы в увлекательное путешествие — в его век. Здесь все открыты: как одевались, здоровались, воевали, пировали, на каких стульях сидели, какие книги читали, о чем думали, что считали хорошим и плохим... И почему это меня задевает сегодня? И потом каждый день — это открытие новых законов поведения человека и открытие нового в себе.

Каждый день ты становишься богаче и тоньше душой, учаешь распознавать чужую душу и чужую жизнь. И еще тебе нужно знать, в каком жанре ставится твой спектакль и какие вообще бывают жанры в театре: что такое комедия, трагедия и трагикомедия, и трагифарс, и трагический балаган, и философская сказка... Каких только жанров не бывает на свете... И когда они родились, и кто ими владел лучше всего или открыл впервые? И что разумел Вахтангов, скажем, когда говорил своим ученикам о «фантастическом реализме»?.. И есть ли общее между учением «о физическом действии» Станиславского и биомеханикой Мейерхольда? Вы слышали что-то об этом, а хотели бы понять глубже.

МЫ БЫЛИ недавно свидетелями олимпийских состязаний в Мюнхене. Как часто судьбу этих состязаний решают доли секунды, грамм, миллиметры... Кстати, в театре счет идет тоже на секунды и минуты. В. И. Немирович-Данченко так примерно и говорил: строится здание, создается пьеса, художник пишет эскизы, потом делают декорации, стучат моложки, актеры репетируют днями и ночами, бьются над спектаклем, в театре отчаиваются, радуются находкам, проливают слезы, зачеркивают найденное, начинают сначала, и все это только для того, чтобы на сцене родилась минута-другая истинного искусства, когда идея, когда смысл всего, во имя чего прошли эти месяцы, нашли самый прямой путь к сердцу человека, потрясли, ошеломили его...

Я смотрел на спортсменов Мюнхена и с завистью думал о том, какой выигреш получил бы наш драматический театр, если б актеры владели так своим телом, как эти девушки, танцующие на брусьях в воду в невысказанном сложном прыжке.

Я следил за дружными и точными комбинациями волейболистов, баскетболистов, ватерполистов и думал о том, какой грандиозный спектакль можно поставить, если воспитать труппу такой сыгранности, такого неистового внимания, такой отдачи игре. Но ведь это все делают студенты, врачи, математики, физики, экономисты, биологи, то есть люди, либо уже владеющие, либо овладевающие иной, совсем не обязательно спортивной профессией.

Сегодня мы требуем от нашего театра больше, чем вчера. Но и от некоторых наших зрителей театр требует больше, чем сегодня. Зрители бывают разные. Есть такие, что театрам уже сегодня приходится тянуться вверх, чтобы говорить с ними на равных. А ведь по-настоящему театр должен быть хоть немного впереди, чтобы вести зрителя за собой. И уже совсем худо, если театр пригибает голову пониже, чтобы быть понятным тому, кто ищет сегодня на сцене более доступных развлечений. Это недостойно театра. Пусть тянется вверх зритель.

Я верю, что в этом взаимном движении человека на сцене и человека в зрительном зале, которое должно привести к новому высшему уровню все наше театральное искусство, сыграет свою, и немалую роль мощная армия любителей театра. Любителей от слова «любить». Потому что «люблю» — значит больше знаю, больше понимаю, больше умею, больше отдаю себя делу, больше требую от любимого театра, актера, режиссера и, конечно же, от самого себя.

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР.